

А

А. В. Дружинин

"Обломов". Роман И. А. Гончарова

Два тома. Спб., 1859

Дружинин А. В. Литературная критика / Составление, подготовка текста и вступительная статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. - М.: Сов. Россия, 1983. (Б-ка рус. критики).

[OCR Бычков М.Н.](#)

Английский писатель Льюиз, не тот Льюиз, который сочинил "Монаха", повергавшего в ужас наших бабушек, а Льюиз, сочинивший знаменитую биографию Гете¹, в одном из своих сочинений рассказывает анекдот, не лишенный занимательности. Героем анекдота был Томас Карлейль, современный нам историк и критик, большой любитель германской литературы и германской философии. Итак, вышепоименованный и довольно знаменитый у нас Томас Карлейль, находясь в Берлине, вскоре после смерти Гете присутствовал на обеде у какого-то профессора вместе с весьма смешанною публикою, между которой находились представители самых крайних партий в Пруссии. Пьетисты² сидели рядом с демократами и новые феодалы новой прусской газеты, тогда еще не существовавшей, с защитниками единства Германии. При конце стола разговор коснулся недавно скончавшегося поэта и сделался всеобщим. Вы можете себе представить, что тени веймарского Юпитера досталось немалое количество порицаний. Один гость упрекал автора "Фауста" за то, что он, не пользуясь своим авторитетом, мало служил делу благочестия и морали; другой находил незаконными два знаменитые стиха:

Напрасно силитесь, германцы, составить из себя один народ;

Лучше бы каждый из вас свободно стремился к тому, чтоб развиваться человеком³.

Находились лица, упрекавшие Гете в нечувствительности к политическим стремлениям современников, были даже чудаки, порицавшие его великое слово: *лишь в одном законе может существовать истинная свобода*. Беседа уже переходила в брань, а Карлейль все молчал и вертел в руках свою салфетку. Наконец он поглядел вокруг себя и сказал тихим голосом: "Meine Herren {Господа (нем.)}, слышали вы когда-нибудь про человека, который ругал солнце за то, что оно не хотело зажечь его сигарки?" Бомба, упавшая на стол, не могла поразить спорщиков более этой выходки. Все замолчали, и насмешливый англичанин остался победителем.

Анекдот, сейчас рассказанный нами, чрезвычайно хорош, и шутка Карлейля имела значение как противоречие крайностям других собеседников, хотя, по нашему мнению, мудрый поклонник Гете немного увлекся в своих выражениях. Таких важных сторон жизни, как национальные стремления, религиозные потребности, жажда политического развития, не совсем ловко сравнивать с дрянной немецкой сигаркою. Вседневные, насущные потребности общества законны как нельзя более, хотя из этого совершенно не следует, чтоб великий поэт был их прямым и непосредственным представителем. Сфера великого поэта иная - и вот почему никто не имеет права извлекать его из этой сферы. Прусак Штейн как министр был несравненно выше министра и тайного советника фон Гете, и всякая политическая параллель между этими двумя людьми невозможна. Но кто из самых предубежденных людей не сознается, что поэт Гете в самом практическом смысле слова оказался для человечества благотворнее благотельного и благородного Штейна. Миллионы людей в своем внутреннем мире были просветлены, развиты и направлены на добро поэзией Гете, миллионы людей были одолжены этой поэзии, этому истинному *слову нашего века*, полезнейшими и сладкими часами своей жизни. Миллионы отдельных нравственных хаосов сплотились в стройный мир через магические поучения поэта-философа, и его безмерное влияние на умы современников с годами отразится во всей жизни Германии, будет ли она единою или раздробленною Германиею. Вследствие всего сейчас сказанного выходка Карлейля совершенно справедлива, невзирая на ее грубость. Великий поэт есть всегда великий просветитель, и поэзия есть солнце нашего внутреннего мира, которое, по-видимому, не делает никаких добрых дел, никому не дает ни гроша, а между тем живет своим светом всю вселенную.

Величие и значение истинной поэзии (хотя бы и не мировой, хотя бы и не великой) нигде не сказывается так ясно, так осязательно, как в литературе народов, еще молодых или только что пробуждающихся от долгого мысленного бездействия. В обществах созревших, много изведавших и во